

Научная статья
УДК 81'272
doi: 10.17223/19986645/97/3

Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Южной Сибири

Вероника Сергеевна Диброва¹, Зоя Ивановна Резанова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*
¹ *klobukova-veronika@list.ru*
² *rezanovazi@mail.ru*

Аннотация. Охарактеризованы типы билингвизма, реализуемые в разнотипных речевых практиках носителей материнских языков – шорского, хакасского и татарского – в условиях несбалансированных языковых ситуаций в регионах Южной Сибири. На основе социолингвистического анкетирования выявлены время и последовательность усвоения второго, русского, языка, а также активность использования двух языков в разнотипных коммуникативных ситуациях. По совокупности признаков тип билингвизма определяется как херитажный.

Ключевые слова: ранний последовательный билингвизм, шорско-русский билингвизм, татарско-русский билингвизм, хакасско-русский билингвизм, херитажный язык, функциональный тип билингвизма

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00525, <https://rscf.ru/project/25-18-00525/>

Для цитирования: Диброва В.С., Резанова З.И. Типы билингвизма в несбалансированных языковых ситуациях Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 49–66. doi: 10.17223/19986645/97/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/3

Types of bilingualism in unbalanced language situations in Southern Siberia

Veronika S. Dibrova¹, Zoya I. Rezanova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
¹ *klobukova-veronika@list.ru*
² *rezanovazi@mail.ru*

Abstract. At present, linguistic landscapes in almost all countries of the world exhibit considerable diversity in language situations, which, in turn, leads to significant variation in how different forms of bilingualism manifest. The aim of this article is to characterize the types of bilingualism observed in the speech practices of speakers of

the mother tongues – Tatar, Khakass, and Shor – in unbalanced language situations in the regions of Southern Siberia. The authors adopt a broad definition of bilingualism. The analysis begins by outlining the criteria for distinguishing types of bilingualism based on age of acquisition (early vs. late), the sequence of language acquisition (simultaneous vs. sequential), and current usage patterns (active vs. passive; additive vs. subtractive; coordinate vs. subordinate). To achieve the aim, sociolinguistic survey methods were employed alongside database processing and quantitative analysis techniques. The results are based on 29,008 assessments of linguistic and social experience gathered from 247 speakers of three Turkic languages – Tatar, Khakass, and Shor – and presented in the "Sociolinguistic Database RuTurkSocLing: Assessments of Linguistic and Social Experience of Turkic–Russian Bilinguals". The analysis revealed that the overall sample is predominantly characterized by early sequential bilingualism, the largest share of which (45.4%) found among Tatar–Russian bilinguals. In contrast, among Khakass–Russian bilinguals, late bilingualism exceeds early simultaneous bilingualism in prevalence. The analysis of native versus acquired language use revealed: (1) high frequencies of Russian use across all speech activities (listening, speaking, reading, writing) and communicative domains; (2) an uneven distribution of heritage language use, with receptive skills more developed than productive ones and limited functional application in diverse communicative situations. In conclusion, the study finds that the examined forms of bilingualism are primarily shaped by the functional roles of heritage languages, which are transmitted to varying degrees within the family domain. This type of bilingualism is defined as heritage bilingualism, characterized by specific features: (1) early simultaneous or sequential acquisition, and (2) active use, with the second language (L2) being dominant across speech activities and communicative domains.

Keywords: early sequential bilingualism, Shor–Russian bilingualism, Tatar–Russian bilingualism, Khakass–Russian bilingualism, heritage language, functional type of bilingualism

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-18-00525, <https://rscf.ru/project/25-18-00525/>

For citation: Dibrova, V.S. & Rezanova, Z.I. (2025) Types of bilingualism in unbalanced language situations in Southern Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 49–66. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/3

Постановка проблемы и теоретические основания анализа

В настоящее время языковые ландшафты практически во всех странах мира представляют значительное разнообразие типов языковых ситуаций, что, в свою очередь, обуславливает существенное варьирование их отражения в многочисленных вариантах билингвизма.

Цель данной статьи – охарактеризовать типы билингвизма, реализуемые в речевых практиках носителей материнских языков – шорского хакасского и татарского – в условиях несбалансированных языковых ситуаций в регионах Южной Сибири.

Решение данной цели предполагает предварительное обсуждение подходов к определению понятия билингвизма и оснований выделения его типов.

Современные исследования билингвизма, как собственно лингвистические, так и междисциплинарные (психо-, социолингвистические, прикладные, связанные с разработкой методик преподавания вторых языков), все более исходят из установления широких границ приложения термина «билингвизм» к многочисленным вариантам использования двух и более языков в разнотипных речевых практиках. Мы далее следуем тем определениям термина, которые задают его приложимость к широкому кругу вариативных взаимодействий родного и осваиваемого языков в речи носителей билингвизма, которые были сформулированы в рамках основополагающих исследований по социолингвистическим аспектам теории билингвизма [1–5]. В качестве примера приведем толкование термина из «Словаря социолингвистических терминов», которое обобщает основные характеристики явления, выявленные исследователями: билингвизм – это «владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе» [6. С. 31].

Именно такое понимание, с одной стороны, соответствуют реальности языкового существования современного человека, находящегося в многообразных функциональных отношениях не только с родным, но и с другими языками, включенными в его коммуникативную среду. С другой стороны, такой подход представляется методологически более продуктивным, позволяет на основе сравнения вариантов речевых практик выявить особенности, интегративные и дифференциальные характеристики языкового взаимодействия.

Одним из следствий такого теоретико-методологического подхода является построение типологии билингвизма, в которой варианты взаимодействия языков противопоставляются по комплексу невзаимоисключающих признаков. Отнесение одного варианта использования языков к разным типам позволяет, в свою очередь, многоаспектно описать конкретный вариант билингвизма, воплощенный в когнитивно и социально обусловленных речевых практиках отдельного человека или группы лиц.

К настоящему времени типология билингвизма может быть охарактеризована как область разработанной теории. В классических работах разных авторов [7–13] мы наблюдаем и весьма широкую вариативность выдвигаемых оппозиций, и в то же время повторяемость довольно узкого круга признаков, на основе которых противопоставляются типы, что, на наш взгляд, является показателем их значимости. В настоящем исследовании не ставится цель полного описания типов билингвизма, однако выделяются и анализируются ключевые типологические оппозиции, моделирование которых осуществляется на основе методики социолингвистического анкетирования, изложенной в работе. К таким базовым, наиболее значимым в когнитивном, психолингвистическом и социолингвистических аспектах относятся выделяемые практически всеми исследователями два основания противопоставления, в свою очередь, связанные с рядом других: время усвоения второго языка и степень активности использования языков в актуальном времени.

Время усвоения второго языка – важнейший признак, так как глубинные когнитивные основания противопоставления возраста усвоения влияют и на особенности коммуникативного потенциала второго языка. По этому признаку противопоставляются ранний и поздний билингвизм, в раннем типе – последовательный и одновременный. Основания противопоставления названных типов разрабатываются в теориях когнитивного развития, пластичности мозга, гипотезах о времени закрытия языковой способности [14]. В рамках данных теоретических направлений утверждается, что второй язык билингва, усвоенный естественным способом в раннем возрасте, практически приближается по всем значимым параметрам к первому, так называемому материнскому, тогда как язык поздних билингвов характеризуется большей сложностью в достижении уровня, близкого к материнскому языку. Однако в последних работах отмечается, что данный фактор вступает во взаимодействие с другими, такими как мотивация [15], уровень когнитивного развития [14. С. 90–95] и индивидуальные характеристики каждого отдельного человека (например, когнитивный стиль и личностные качества) [16].

При том, что когнитивная значимость данного противопоставления признается практически всеми исследователями, нерешенной пока видится проблема границ раннего и позднего билингвизма. Наблюдается значительная вариативность в обозначении границ «закрытия» раннего билингвизма: например, Э. Леннеберг выделяет особый период, называемый критическим. Отмечается, что его рамки сильно варьируются – от 3 лет до начала пубертатного периода, начальные границы которого, в свою очередь, тоже вариативны: от 8 до 12 лет [17]. Вследствие этого исследователи часто не указывают точные временные границы, отмечая временные диапазоны. Так, например, по мнению Ю. Майзеля, оптимальный возраст для формирования раннего билингвизма начинается незадолго до 2 лет, постепенный спад наступает до возраста 5 лет, затем критический период заканчивается в течение возрастного периода приблизительно от 7 до 10 лет [18. С. 111–112].

В границах раннего билингвизма противопоставляются одновременный и последовательный. Одновременный ранний билингвизм характерен прежде всего для ситуаций билингвальных семей. Имеются доказательства того, что дети-билингвы уже в самом раннем возрасте способны различать два языка, причем это является естественным процессом, а наблюдаемые факты языкового смешения у детей-билингвов не свидетельствует об отсутствии разграничения языков в их когнитивных системах. Так, Б.З. Пирсон, С.К. Фернандес и Д.К. Оллер предполагают, что это происходит из-за когнитивных ограничений или ситуативных факторов. При этом для становления ребенка-билингва исключительно важно качество и количество так называемого языкового ввода (англ. *language input*) – языкового материала, который ребенок слышит и воспринимает в процессе взаимодействия с окружающими [19].

Последовательный ранний билингвизм отличается от одновременного наличием уже сформированного первого языка: ребенок сначала усваивает первый язык, на систему которого впоследствии накладывается система

второго языка [20]. По мнению ряда исследователей, период перехода раннего последовательного билингвизма в поздний происходит примерно в 7 лет, что обусловлено снижением пластичности мозга [21–24]. При этом вопрос о временных границах рассматриваемых типов билингвизма остается дискуссионным. Другие ученые считают, что 3 года – это примерная граница, после которой усвоение второго языка начинает больше напоминать последовательный билингвизм [25–29].

Последовательный ранний билингвизм формируется под влиянием несбалансированных языковых ситуаций, в которых функционально противопоставляются язык семейного общения и язык доминирующего социального окружения. Такие языковые ситуации могут создаваться в результате современных активных миграционных процессов или в многонациональных государствах при сохранении системы традиционного уклада семейного общения на языке этнического меньшинства. При этом второй язык – это, как правило, государственный язык, в то время как первый является языком семейного наследия (англ. *heritage language*) [30–34]. Далее в статье такой тип билингвизма мы называем «херитажный билингвизм».

Оппозиция раннего и позднего билингвизма, в свою очередь, тесно связана с другими функционально обусловленными противопоставлениями.

Противопоставление координативного и субординативного билингвизма, предложенная У. Вайнрайхом [7], определяется различием моделей организации двуязычного лексикона в сознании человека. Координативный билингвизм характеризуется сосуществованием отдельных систем понятий двух языков, объединенных концептуально. Субординативный билингвизм предполагает «подчинение» первого языка второму, при котором активация слова во втором языке происходит через перевод на родной язык. Установлено, что ранние билингвы более склонны к координативному билингвизму, субординативный билингвизм, в свою очередь, более характерен для позднего билингвизма, что было показано, например, в работе С. Эрвин и Ч. Осгуда [35]. Противопоставление субординативного и координативного билингвизма находит обоснование в методологии не социолингвистических, но психо- и нейролингвистических исследований [36], вследствие этого в данной статье, представляющей результаты социолингвистического исследования, не рассматривается.

Оппозиция активного и пассивного билингвизма, обоснованная в работах Э. Сепира [37], У. Вайнрайха [7], У. Маки [38], отражает различие в уровне компетенций билингва на двух языках. При активном билингвизме носитель двух языков свободно использует их во всех видах речевой деятельности (понимание, говорение, чтение и письмо), при пассивном билингвизме проявляется ограниченная компетенция в одном из языков (часто во втором языке). Важно отметить выделение в пассивном билингвизме подтипов рецептивного, при котором билингв способен понимать один из языков, но не говорить и писать, и продуктивный билингвизм, когда билингв имеет возможность говорить и писать, но при этом с частыми ошибками и лекси-

ческими заимствованиями [32]. Важно также отметить, что оппозиция «активный vs пассивный билингвизм» является не фиксированной, но отражает временное состояние речевых практик билингвов.

Противопоставление аддитивного и субтрактивного типов, введенное в науку У. Ламбертом [39], основывается на вариативности социального контекста, в котором происходит освоение второго языка. Для аддитивного билингвизма характерно изучение второго языка без ущерба для первого, оба языка развиваются параллельно. При субтрактивном билингвизме происходит вытеснение первого языка в процессе освоения второго. Формирование данных типов билингвизма зависит от социального статуса языков, языковой среды и личных мотиваций билингва. Субтрактивность обуславливается дискриминацией миноритарных языков в результате осуществлении дисгармоничной языковой политики и, в некоторых ситуациях, социального неравенства носителей миноритарных языков.

Основанием противопоставления активного и пассивного, аддитивного и субтрактивного билингвизма является уровень языковой компетенции, что, в свою очередь, определяет полноту коммуникативных функций, которые реализуются билингвом на двух языках. Этот аспект билингвизма исследуется и моделируется в методиках социолингвистического анализа. В фокусе нашего внимания находятся оппозиции в типах билингвизма, противопоставляемые по формам и социальным обстоятельствам использования языков в актуальный период наблюдений.

Предваряя представление методики анализа и его результатов, представляется необходимым отметить следующее.

В классических и современных концепциях типов билингвизма, с одной стороны, выделяются оппозиции на основании наиболее противопоставленных признаков, демонстрируемых прототипическими примерами, а с другой – билингвизм интерпретируется как динамическая система, испытывающая влияние разнотипных факторов, при описании которой исследователи избегают установления жестких границ. Так, анализ типов, представленных в работах [7, 35, 37, 39], опирается на многоуровневую оценку актуального языкового статуса, включающую два ключевых аспекта: 1) виды речевой деятельности на языках (понимание, говорение, чтение и письмо); 2) типы языковых и коммуникативных ситуаций использования языков (семья, образование, профессиональная сфера, другие социальные практики). Такие признаки могут рассматриваться как самостоятельные и как часть более сложных комплексов. Особое значение приобретает анализ функционального баланса между системами первого и второго языка. Конкретные варианты билингвизма формируются на пересечении выделенных признаков, их особой комбинации. Полагаем, что для определения типа билингвизма необходимо характеризовать варианты использования первого и второго языков по совокупности признаков, их вариативному проявлению.

Варианты билингвальных практик реализуются в условиях языковых ситуаций, тип функционального распределения языков в которых является од-

ним из наиболее значимых факторов, влияющих на тип билингвизма. В данной работе представлен анализ вариантов билингвизма, формирующегося в условиях несбалансированных языковых ситуациях трех регионов Южной Сибири. Характеристика взаимодействия русского и трех материнских языков (хакасского, татарского и шорского) в условиях несбалансированных языковых ситуаций представлена в [40].

Материал и методы исследования

В данной статье мы выделяем типы билингвизма с использованием социолингвистических опросных методик, методов обработки полученных материалов в технологиях баз данных и приемов количественного анализа.

На начальном этапе исследования материалы для анализа собирались методом анкетирования. В проекте были использованы для сбора данных социолингвистическая анкета О.А. Казакевич [41] и языковая анкета билингва (разработчики В. Мариан, Х.К. Блюменфельд и М.Каушанская) [42], адаптированная сотрудниками лаборатории лингвистической антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Типы сбора материала, формат анкет и организации баз данных были представлены в ряде публикаций авторов проекта [43, 44]. В результате проведения анкетирования были получены оценки билингвами своего языкового и социального опыта, актуализируемые в несбалансированных языковых ситуациях трех регионов Южной Сибири.

Далее материалы были обработаны с применением технологий баз данных и представлены в «Социолингвистической базе данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов» (далее – RuTurkSocLing) [45]. В RuTurkSocLing материалы формализованных и полуформализованных интервью жителей регионов Южной Сибири, носителей тюркско-русского билингвизма, организованы по принципу релятивных баз данных (БД). Языковой опыт характеризуется по 168 переменным, включая информацию о поле, возрасте, годе, месте рождения и проживания, об образовании и направлениях деятельности, о характере приобретения и использования всех языков в различных ситуациях в разные периоды жизни, а также о субъективном оценивании уровня владения языками, разделенного по видам речевой деятельности – понимание, говорение, чтение и письмо, о других аспектах языкового опыта. Объем базы данных – 29 008 оценок языкового и социального опыта, полученных от 247 носителей трех тюркских языков – татарского, шорского и хакасского.

Анализ и результаты исследования

Для отнесения билингвизма к охарактеризованным ранее типам, привлекаемые материалы соответствующих БД, мы последовательно выделяем следующие данные: 1) языки, используемые респондентами, определение род-

ного языка, 2) время и последовательность усвоения второго языка; 3) активность и формы использования языков в современных коммуникативных практиках.

Первый вопрос, на который мы отвечаем при характеристике типов билингвизма: какие языковые пары взаимодействуют в языковом сознании билингва и используются в актуальных коммуникативных практиках.

На этом этапе в анализ были включены ответы 247 респондентов: 138 татарско-русских, 75 хакасско-русских и 34 шорско-русских билингвов, привлекались ответы респондентов на вопрос о первом и втором (третьем) языках, которыми они владеют. Респонденты указывали первый / второй / третий язык и отмечали порядок усвоения в виде нумерованного списка, в котором порядковый номер языка – это его место в рейтинге. При формировании базы данных структура вопроса претерпела изменения: в качестве категоризирующих переменных были выбраны материнский язык, русский язык и другие языки, в то время как информация о порядке их усвоения и доминирования была представлена в порядковых числительных.

Анализ полученных ответов показал, что большинство билингвов в качестве первого языка указали язык этнического меньшинства (татарский, хакасский, шорский), в то время как русский язык – доминирующий в настоящее время – в качестве второго. Однако были отмечены случаи, когда респонденты отмечали русский язык в качестве первого, родного. При этом наблюдается тенденция увеличения количества билингвов, назвавших русский язык как первый, в зависимости от возраста: большинство билингвов младше 35 лет русский указывают как первый язык (16 из 73, или 22%, в отличие от группы с 35 до 65 лет (12 из 114, или 10,5%) и группы старше 65 лет (2 из 56, или 0,4%).

Для исследования из общего числа билингвов были отобраны респонденты, указавшие в качестве первого языка шорский, хакасский или татарский, а в качестве второго – русский. Поскольку работа сосредоточена на варианте билингвизма, где русский выступает вторым языком, часть участников, назвавших его родным, была исключена из дальнейшего анализа. В итоговую выборку вошли данные 217 человек: 119 татарско-русских, 70 хакасско-русских и 28 шорско-русских билингвов.

Вторая задача, которую мы решаем, – определение типов билингвизма на основании дифференцирующих признаков: время и последовательность усвоения второго языка. При решении данного вопроса отметим, что мы, как было указано раньше, опирались на данные анкетирования на основе двух анкет [41, 42], имеющих более широкое целеполагание, чем то, которое представлено в данной статье, авторы которых не ставили перед собой решения конкретной задачи определения типов билингвизма в соответствии с определенной концепцией. Вопрос анкеты ориентировал респондентов на оценивание использования языков в определенные периоды жизни (0–6 лет, 7–11 лет, 12–17 лет, 18–25 лет, 26–50 лет и после 50 лет), полученные в результате данные анкетирования были соотнесены нами с концепциями границ раннего и позднего билингвизма и их вариантов, охарактеризованными выше.

Поскольку языковыми навыками, которые дети развивают в первую очередь при усвоении языка, являются понимание и говорение, то при определении типа билингвизма мы учитываем данные о возрасте начала говорения как о границе «закрытия» раннего билингвизма: возраст от 12 лет [17, 18]. Разделение раннего одновременного и последовательного билингвизма с некоторыми условностями (предварительно) определяем по границе 7 лет – если билингв овладел обоими языками до 7 лет, этот тип билингвизма мы относим к раннему одновременному; если в период с 7 до 12 лет – к раннему последовательному.

В результате были получены следующие соотношения возрастов усвоения второго языка (русского) (табл. 1).

Таблица 1

Возраст усвоения второго языка билингвами

Билингвы	Количество респондентов	Год вхождения во второй язык			
		0–6 лет	7–11 лет	12–17 лет	18–25 лет и старше
Татарско-русские	119	40 (33,6%)	54 (45,4%)	11 (9,2%)	9 (7,6%)
Хакасско-русские	70	20 (28,6%)	21 (30%)	13 (18,6%)	12 (17,1%)
Шорско-русские	28	8 (28,6%)	15 (53,6%)	4 (14,3%)	1 (3,6%)

Таким образом, в общей выборке респондентов, объединяющей данные носителей шорско-русского, татарско-русского и хакасско-русского билингвизма, преобладает ранний билингвизм (158 человек, или 77,5% от общего числа билингвов группы) с небольшим преобладанием раннего последовательного (44% усвоивших язык с 7 до 11 лет против 33%, усвоивших русский до 6 лет).

Как можно видеть из табл. 1, в нашей выборке наблюдается преобладание раннего последовательного билингвизма (7–11 лет), наибольшая доля которого (45,4%) представлена группе татарско-русских билингвов. Хакасско-русские билингвы – единственная группа, где поздний билингвизм (12+ лет) преобладает над ранним одновременным (35,7% против 28,6%). Шорско-русские билингвы показывают схожую с татарской группой тенденцию, но из-за малой выборки ($n = 28$) выводы интерпретируются нами как предварительные.

Третья задача, которую мы решаем, – определение вариантов использования языка респондентами в актуальное время проведения анкетирования. Исследуются два аспекта: типы речевой деятельности (понимание, говорение, чтение, письмо) и коммуникативные ситуации использования языка (семья, культурные практики, медиа, официальные сферы и др.). Этот анализ позволяет перейти от теоретических моделей усвоения языка к реальным практикам его использования, выявлению степени сохранности родного языка в разных коммуникативных сферах.

В качестве одного из наиболее значимых параметров мы, вслед за рядом авторов, выделяем типы речевой деятельности, которыми владеют билингвы в той или иной степени. Информанты, отвечая на вопрос «Какими

языками Вы владеете?», должны были заполнить таблицу: отметить все языки, которыми они владеют, дифференцированно по четырем типам речевой деятельности: понимание на слух, говорение, чтение, письмо. Мы последовательно проанализировали ответы о владении разными формами речевой деятельности сначала на родном, затем – на втором, русском языке. Количественно включенные в анализ данные различались, так как респонденты могли пропускать отдельные пункты анкеты, однако различия не влияют на достоверность сравнения вследствие незначительного объема отказа ответов на отдельные вопросы. В табл. 2 представлены результаты сравнения видов речевой деятельности на материнском языке 199 респондентов, так как 16 человек (9 татарско-русских, 6 хакасско-русских и 1 шорско-русский билингв) не дали ответ на данный вопрос анкеты.

Таблица 2

Распределение типов речевой деятельности на родном языке

Билингвы	Количество респондентов	Вид речевой деятельности			
		Понимаю	Говорю	Читаю	Пишу
Татарско-русские	110	101 (91,8%)	100 (90,9%)	85 (77,3%)	62 (56,4%)
Хакасско-русские	62	62 (100%)	55 (88,7%)	58 (93,5%)	53 (85,5%)
Шорско-русские	27	27 (100%)	27 (100%)	25 (92,6%)	17 (63%)

Ответы респондентов свидетельствуют о неравномерном использовании родного языка билингвами в различных типах речевой деятельности. В качестве общих тенденций выделены следующие: более высоко оценивались 1) навыки первичной формы использования языка (устная, первичная форма коммуникации), нежели навыки чтения и письма (использование вторичной семиотической системы); 2) рецептивные навыки (понимание и чтение), нежели продуктивные (говорение и письмо). При этом отметим, что более противопоставлены формы устной и письменной коммуникации, нежели активные и пассивные формы коммуникативной деятельности. Уровень навыков письма на родном языке был отмечен респондентами как самый низкий.

Далее были проанализированы ответы на тот же вопрос применительно к формам использования второго, освоенного, русского языка. В анализ, результаты которого приведены в табл. 3, были включены ответы 199 респондентов, так как 18 человек (9 татарско-русских, 8 хакасско-русских и 1 шорско-русский билингв) не представили ответы на данный вопрос анкеты.

Таблица 3

Распределение типов речевой деятельности на русском языке

Билингвы	Количество респондентов	Вид речевой деятельности			
		Понимаю	Говорю	Читаю	Пишу
Татарско-русские	110	101 (91,8%)	105 (95,5%)	104 (94,5%)	103 (93,6%)
Хакасско-русские	62	60 (96,8%)	60 (96,8%)	60 (96,8%)	60 (96,8%)
Шорско-русские	27	27 (100%)	27 (100%)	27 (100%)	27 (100%)

Как можно видеть, распределение оценок речевой деятельности на русском языке не показывает какой-либо тенденции к снижению уровня владения данными практиками в письменных формах коммуникации по сравнению с устными и активных – по сравнению с пассивными. В данном случае мы наблюдаем функциональный тип билингвизма, характеризуемый как субстративный. При этом полученные результаты соответствуют типу функционального соотношения первого и второго языков, характерного для херитажных билингвов. Как отмечают М. Полински [46] и С. Монтуль [47], для представителей херитажного билингвизма характерно неравномерное распределение навыков владения родным языком, где рецептивные способности (понимание на слух устной речи) обычно сохраняются лучше продуктивных (говорение, письмо). Эта закономерность объясняется особенностями языковой социализации в условиях ограниченного использования родного языка. Проецируя это наблюдение на проанализированные данные, отметим, что данная тенденция проявлена и в нашем материале. Однако наш материал свидетельствует о большей противопоставленности уровня формирования и актуализации навыков устной и письменной коммуникации на родном и втором языке. Согласно исследованию Э. Бенмамуна [48], уровень сохранности отдельных языковых навыков значительно зависит от наличия письменной традиции и институциональной поддержки изучаемого языка. В частности, уровень чтения как навык значительно варьируется между разными языковыми сообществами, что связано с доступностью образовательных материалов на родном языке. Письмо, по данным Р. Андерсона [49], утрачивается в первую очередь из-за необходимости специального обучения и отсутствия естественной практики.

Наши материалы подтверждают эти наблюдения внутренней дифференциацией трех групп билингвизма, где навыки сохранения письма на родном языке наиболее высокие в группе хакасско-русских билингвов, живущих в условиях фактически несбалансированной языковой ситуации, в которой, однако, хакасский язык является титульным в республике, где преподавание ведется на всех уровнях образования. Шорский язык в настоящее время преподается в регионах компактного проживания шорцев, в которых проводилось исследование (Кемеровская область – г. Таштагол, п. Шерегеш и близлежащие к нему деревни), только в центрах культуры и факультативно в отдельных школах на этапе начального образования. Подчеркнем также, что в нашем анализе представлены ответы татарско-русских билингвов, проживающих в Томске, Томской и Новосибирской областях, где татарский язык преподается как факультативная дисциплина в начальном и среднем образовании сельских и одной школе в Томске, в детских и взрослых воскресных школах, на курсах (подробнее см.: [40]).

Далее нами были проанализирована частотность использования языков в различных коммуникативных практиках: общение в семье, с друзьями, просмотр фильмов, чтение книг, прослушивание музыки на первом и втором языке. К анализу привлекались ответы на вопрос о влиянии языковой ситуации и знания языка на его выбор в определенной коммуникативной

ситуации, т.е. на частотность его использования. Респонденты оценивали вероятность выбора первого или второго языка по шкале от 1 до 10. Далее данные были усреднены. В табл. 4 приведены средние арифметические оценок от 0 (отсутствие влияния) до 10 (максимальное влияние). К анализу были привлечены ответы об использовании родного языка в разных типах коммуникативных практик 190 респондентов, так как 39 татарско-русских, 20 – хакасско-русских и 5 шорско-русских билингвов не дали ответы на эти вопросы.

Таблица 4

**Частотность использования родного языка билингвами
в коммуникативных ситуациях, баллы**

Билингвы	Количество респондентов	Коммуникативная ситуация				
		Общение с семьей	Общение с друзьями	Просмотр фильмов	Чтение книг	Прослушивание музыки
Татарско-русские	103	6,99	6,15	4,59	4,17	4,96
Хакасско-русские	57	8,25	6,0	4,58	4,84	3,95
Шорско-русские	30	5,23	6,6	2,80	3,27	2,77

Таким образом, ни одна языковая ситуация, за исключением общения с родственниками и друзьями, не была оценена по частотности использования более чем в 50% случаев. Эти данные обнаруживают особую значимость в сравнении с соответствующими оценками использования русского языка в тех же коммуникативных ситуациях. Отметим, что в БД ответы респондентов об использовании русского языка в разнотипных коммуникативных ситуациях представлены только в 48 анкетах, но мы привлекаем их для анализа, так как респонденты максимально высоко и равномерно ответили на вопросы о вероятности использования русского языка в анализируемых коммуникативных ситуациях. Средняя оценка по каждой из коммуникативных ситуаций не ниже 8 из 10. Таким образом, в данном аспекте билингвизм может быть охарактеризован как активный, при котором второй язык используется во всех ситуациях. Несбалансированность активности использования языков в отдельных коммуникативных ситуациях создается за счет более низких показателей родного языка.

Результаты анализа данных пунктов анкетирования также соответствуют теоретическим положениям об использовании родного языка билингвами как херитажного: херитажный язык используется в ограниченном кругу общения, часто с родственниками, друзьями и соседями. Наибольший разрыв между оценками вероятности использования языка в разных типах коммуникативных ситуаций демонстрируют ответы шорско-русских билингвов, где разница между наибольшей оценкой (6,6 для общения с друзьями) и наименьшей (2,77 для прослушивания музыки) составляет четыре пункта.

Обсуждение

В результате проведенного анализа был сделан вывод о том, что по совокупности признаков анализируемые варианты билингвизма определяются в первую очередь функциональными особенностями материнских языков, которые выполняют в той или иной степени роль херитажного языка, или языка семейного наследия. Такой тип билингвизма мы определяем как херитажный, для которого характерны частные признаки: 1) ранний одновременный и последовательный; 2) субстративный и активный с большей степенью активности второго языка в разных типах речевой деятельности в большем числе коммуникативных ситуаций.

Отметим, что херитажный билингвизм, представленный в трех регионах несбалансированных языковых ситуаций Южной Сибири с родными шорским, хакасским и татарским языками, представлен вариативно, различаясь по характеру проявления типологически релевантных признаков.

В несбалансированной языковой ситуации Южной Сибири в местах компактного проживания носителей трех автохтонных языков региона мы наблюдаем преобладание шорско-русского и татарско-русского одновременного и раннего последовательного, с одной стороны, и хакасско-русского последовательного билингвизма – с другой.

Наибольшие отличия в использовании пассивных и активных, первичных и вторичных форм речевой деятельности на двух языках проявили прежде всего шорско-русские билингвы, высокий уровень частоты использования родного языка которыми характерен только для ситуаций устного обыденного общения в семье и с друзьями. На основании проанализированных признаков можно говорить о некоторой шкале переходов в проявленности признаков херитажного языка и, как следствие, формируемого на их основе варианта билингвизма, где на полюсах находятся шорский и хакасский, а татарский занимает срединное положение.

Список источников

1. *Fishman J.A.* Who Speaks What Language to Whom and When? // *La Linguistique*. 1965. Vol. 1, № 2. P. 67–88.
2. *Labov W.* *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.
3. *Heller M.* Code-Switching and the Politics of Language // *Journal of Sociolinguistics*. 1995. Vol. 1, № 1. P. 1–24.
4. *Wei L.* *The Bilingualism Reader*. London ; New York : Routledge, 2000 518 p.
5. *Gumperz J.J.* *Discourse Strategies*. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 225 p.
6. *Словарь социолингвистических терминов*. М. : Институт языкознания РАН, 2006. 312 с.
7. *Weinreich U.* *Languages in Contact: Findings and Problems*. (No. 1). New York : Linguistic Circle of New York, 1953. 148 p.
8. *Lambert W.E.* *Culture and Language as Factors in Learning and Education* // *Psycholinguistics*. New York : Holt, Rinehart and Winston, 1974. P. 307–324.

9. *Haugen E.* The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1953. Vol. 1–2. 695 p.
10. *Ferguson C.A.* Diglossia // *Word*. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325–340.
11. *Grosjean F.* Neurolinguists, Beware! The Bilingual is Not Two Monolinguals in One Person // *Brain and Language*. 1989. Vol. 36, № 1. P. 3–15.
12. *Лурья А.П.* Язык и сознание. М. : Изд-во МГУ, 1979. 320 с.
13. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М. : Рус. яз., 1983. 269 с.
14. *Bialystok E.* Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition. Cambridge University Press, 2001. 288 p.
15. *Gardner R.C.* Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation. Edward Arnold, 1985. 208 p.
16. *Grichkovtsova I.* Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation, Aneta Pavlenko (Ed.) // *Studies in Second Language Acquisition*. 2007. № 29 (4). P. 625–627.
17. *Lenneberg E.H.* Biological Foundations of Language. New York : Wiley, 1967. 489 p.
18. *Meisel J.M.* The bilingual child // *The handbook of bilingualism*. 2006. P. 90–113.
19. *Pearson B.Z., Fernández S.C., Oller D.K.* Lexical development in bilingual infants and toddlers: Comparison to monolingual norms // *Language Learning*. 1997. № 43 (1). P. 93–120.
20. *McLaughlin B.* Second-Language Acquisition in Childhood. Vol. 1: Preschool Children. Lawrence Erlbaum Associates, 1984. 219 p.
21. *Kuhl P.K.* Brain mechanisms in early language acquisition // *Neuron*. 2010. Vol. 67, № 5. P. 713–727.
22. *Birdsong D.* Second Language Acquisition and the Critical Period Hypothesis. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1999. 200 p.
23. *Paradis J.* Early bilingual and multilingual acquisition // *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication* / ed. by P. Auer, L. Wei. Berlin : De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–44.
24. *Hoff E., Core C.* Input and language development in bilingually developing children // *Seminars in Speech and Language*. 2013. Vol. 34, № 4. P. 215–226.
25. *De Houwer A.* Bilingual first language acquisition. Bristol ; Buffalo : Multilingual Matters, 2009. 412 p.
26. *Meisel J.M.* Early differentiation of languages in bilingual children // *Bilingualism Across the Lifespan: Aspects of Acquisition, Maturity, and Loss* / ed. by K. Hyltenstam, L.K. Obler. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 13–40.
27. *Genesee F., Nicoladis E.* Bilingual first language acquisition // *Handbook of language development* / ed. by E. Hoff, M. Shatz. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. P. 324–342.
28. *Paradis J.* Early bilingual and multilingual acquisition // *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication* / ed. by P. Auer, L. Wei. Berlin ; New York : De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–44. (Handbooks of Applied Linguistics. Vol. 5).
29. *McLaughlin B.* Second-Language Acquisition in Childhood. Vol. 1: Preschool Children. 2nd ed. Hillsdale, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1984. 219 p.
30. *Montrul S.* The acquisition of heritage languages. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 380 p.
31. *Polinsky M., Kagan O.* Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom // *Language and Linguistics Compass*. 2007. Vol. 1, № 5. P. 368–395.
32. *Valdés G.* Heritage language students: Profiles and possibilities // *Heritage languages in America: Preserving a national resource* / ed. by J.K. Peyton, D.A. Ranard, S. McGinnis. Washington, DC : Center for Applied Linguistics, 2001. P. 37–77.
33. *Kondo-Brown K.* Differences in language skills: Heritage language learner subgroups and foreign language learners // *The Modern Language Journal*. 2005. Vol. 89, № 4. P. 563–581.

34. *Carreira M.* Heritage language learners: A case for empowerment // *ADFL Bulletin*. 2004. Vol. 35, № 2–3. P. 23–26.
35. *Ervin S.M., Osgood C.E.* Second language learning and bilingualism // *Psycholinguistics: A survey of theory and research problems* / ed. by C.E. Osgood, T.A. Sebeok. New York : John Wiley & Sons, 1954. P. 139–146.
36. *Abutalebi J., Green D.* Bilingual language production: The neurocognition of language representation and control // *Journal of Neurolinguistics*. 2007. № 20 (3). P. 242–275.
37. *Sapir E.* *Language: An introduction to the study of speech*. Harcourt, Brace & World, 1921. 258 p.
38. *Mackey W.F.* *Language Teaching Analysis*. London : Longmans, Green & Co. Ltd., 1965. 554 p.
39. *Lambert W.E.* Culture and language as factors in learning // *Cultural factors in learning and education: 5th Western Washington Symposium on Learning* / ed. by F.E. Eckman. Bellingham : Western Washington State College, 1974. P. 91–122.
40. *Русский язык в условиях контактирования: тюркско-русское языковое взаимодействие. Ч. 1: Социолингвистическое и корпусное исследование* / З.И. Резанова, Е.Д. Артеменко, В.С. Диброва, А.В. Дыбо, И.С. Коршунова, О.В. Нагель, О.В. Рыжова, А.А. Степаненко, И.Г. Темникова. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2024. 216 с.
41. *Казакевич О.А.* Документация исчезающих языков Сибири (на материале двух поселков Красноярского края) // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2006. № 3 (44). С. 221–231.
42. *Marian V., Blumenfeld H.K., Kaushanskaya M.* Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q) // *Speech Language and Hearing Research*. 2007. № 50 (4). P. 940–967.
43. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68.
44. *Темникова И.Г., Диброва В.С.* Влияние институциональных дискурсов на языковое самоопределение в условиях полиэтнического социума // *Русин*. 2022. № 70. С. 232–243.
45. *Социолингвистическая база данных RuTurkSocLing: оценки языкового и социального опыта тюркско-русских билингвов* / Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023622697, 07.08.2023. Заявка № 2023622343 от 25.07.2023.
46. *Polinsky M.* *Heritage languages and their speakers*. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 424 p.
47. *Montrul S.* *The acquisition of heritage languages*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 380 p.
48. *Benmamoun E., Montrul S., Polinsky M.* Heritage languages and their speakers: Challenges and opportunities // *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2013. № 3 (1). P. 1–40.
49. *Anderson R.* Language attrition in progress: Language acquisition and language loss. Groos, 1982. 192 p.

References

1. Fishman, J.A. (1965) Who Speaks What Language to Whom and When? *La Linguistique*. 1 (2). pp. 67–88.
2. Labov, W. (1972) *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
3. Heller, M. (1995) Code-Switching and the Politics of Language. *Journal of Sociolinguistics*. 1 (1). pp. 1–24.

4. Wei, L. (2000) *The Bilingualism Reader*. London; New York: Routledge.
5. Gumperz, J.J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Anon. (2006) *Slovar' sotsiolingvističeskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
7. Weinreich, U. (1953) *Languages in Contact: Findings and Problems*. (No. 1). New York: Linguistic Circle of New York.
8. Lambert, W.E. (1974) Culture and Language as Factors in Learning and Education. In: *Psycholinguistics*. New York: Holt, Rinehart and Winston. pp. 307–324.
9. Haugen, E. (1953) *The Norwegian Language in America: A Study in Bilingual Behavior*. Vol. 1–2. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
10. Ferguson, C.A. (1959) Diglossia. *Word*. 15 (2). pp. 325–340.
11. Grosjean, F. (1989) Neurolinguists, Beware! The Bilingual is Not Two Monolinguals in One Person. *Brain and Language*. 36 (1). pp. 3–15.
12. Luriya, A.R. (1979) *Jazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. Moscow: MSU.
13. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1983) *Jazyk i kul'tura* [Language and Culture]. Moscow: Russkiy yazyk.
14. Bialystok, E. (2001) *Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Gardner, R.C. (1985) *Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitudes and Motivation*. London: Edward Arnold.
16. Grichkovtsova, I. (2007) Bilingual Minds: Emotional Experience, Expression and Representation, Aneta Pavlenko (Ed.). *Studies in Second Language Acquisition*. 29 (4). pp. 625–627.
17. Lenneberg, E.H. (1967) *Biological Foundations of Language*. New York: Wiley.
18. Meisel, J.M. (2006) The bilingual child. In: *The handbook of bilingualism*. S.1. pp. 90–113.
19. Pearson, B.Z., Fernández, S.C. & Oller, D.K. (1997) Lexical development in bilingual infants and toddlers: Comparison to monolingual norms. *Language Learning*. 43 (1). pp. 93–120.
20. McLaughlin, B. (1984) *Second-Language Acquisition in Childhood*. Vol. 1: Preschool Children. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
21. Kuhl, P.K. (2010) Brain mechanisms in early language acquisition. *Neuron*. 67 (5). pp. 713–727.
22. Birdsong, D. (1999) *Second Language Acquisition and the Critical Period Hypothesis*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
23. Paradis, J. (2007) Early bilingual and multilingual acquisition. In: Auer, P. & Wei, L. (eds) *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin: De Gruyter Mouton. pp. 15–44.
24. Hoff, E. & Core, C. (2013) Input and language development in bilingually developing children. *Seminars in Speech and Language*. 34 (4). pp. 215–226.
25. De Houwer, A. (2009) *Bilingual first language acquisition*. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters.
26. Meisel, J.M. (1989) Early differentiation of languages in bilingual children. In: Hyltenstam, K. & Obler, L.K. (eds) *Bilingualism Across the Lifespan: Aspects of Acquisition, Maturity, and Loss*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 13–40.
27. Genesee, F. & Nicoladis, E. (2006) Bilingual first language acquisition. In: Hoff, E. & Shatz, M. (eds) *Handbook of language development*. Oxford: Blackwell Publishing. pp. 324–342.
28. Paradis, J. (2007) Early bilingual and multilingual acquisition. In: Auer, P. & Wei, L. (eds) *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton. (Handbooks of Applied Linguistics. Vol. 5). pp. 15–44.

29. McLaughlin, B. (1984) *Second-Language Acquisition in Childhood*. Vol. 1: Preschool Children. 2nd ed. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
30. Montrul, S. (2016) *The acquisition of heritage languages*. Cambridge: Cambridge University Press.
31. Polinsky, M. & Kagan, O. (2007) Heritage languages: In the 'wild' and in the classroom. *Language and Linguistics Compass*. 1 (5). pp. 368–395.
32. Valdés, G. (2001) Heritage language students: Profiles and possibilities. In: Peyton, J.K., Ranard, D.A. & McGinnis, S. (eds) *Heritage languages in America: Preserving a national resource*. Washington, DC: Center for Applied Linguistics. pp. 37–77.
33. Kondo-Brown, K. (2005) Differences in language skills: Heritage language learner subgroups and foreign language learners. *The Modern Language Journal*. 89 (4). pp. 563–581.
34. Carreira, M. (2004) Heritage language learners: A case for empowerment. *ADFL Bulletin*. 35 (2–3). pp. 23–26.
35. Ervin, S.M. & Osgood, C.E. (1954) Second language learning and bilingualism. In: Osgood, C.E. & Sebeok, T.A. (eds) *Psycholinguistics: A survey of theory and research problems*. New York: John Wiley & Sons. pp. 139–146.
36. Abutalebi, J. & Green, D. (2007) Bilingual language production: The neurocognition of language representation and control. *Journal of Neurolinguistics*. 20 (3). pp. 242–275.
37. Sapir, E. (1921) *Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace & World.
38. Mackey, W.F. (1965) *Language Teaching Analysis*. London: Longmans, Green & Co. Ltd.
39. Lambert, W.E. (1974) Culture and language as factors in learning. In: Eckman, F.E. (ed.) *Cultural factors in learning and education: 5th Western Washington Symposium on Learning*. Bellingham: Western Washington State College. pp. 91–122.
40. Rezanova, Z.I. et al. (2024) *Russkii yazyk v usloviyakh kontaktirovaniya: tyurksko-russkoe yazykovoe vzaimodeistvie* [The Russian Language in Contact Conditions: Turkic-Russian Language Interaction]. Part 1. Tomsk: TSU.
41. Kazakevich, O.A. (2006) Dokumentatsiya ischezayushchikh yazykov Sibiri (na materiale dvukh poselkov Krasnoyarskogo kraya) [Documentation of Endangered Languages of Siberia (Based on Material from Two Villages of Krasnoyarsk Krai)]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 3 (44). pp. 221–231.
42. Marian, V., Blumenfeld, H.K. & Kaushanskaya, M. (2007) Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q). *Speech Language and Hearing Research*. 50 (4). pp. 940–967.
43. Rezanova, Z.I., Temnikova, I.G. & Nekrasova, E.D. (2018) Dynamics of Sociolinguistic Processes in Southern Siberia Mirrored in Bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar Language Interaction). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 56–68. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/436/7
44. Temnikova, I.G. & Dibrova, V.S. (2022) Vliyanie institutsional'nykh diskursov na yazykovoie samoopredelenie v usloviyakh polietnicheskogo sotsiuma [The Influence of Institutional Discourses on Language Self-Identification in a Multiethnic Society]. *Rusin*. 70. pp. 232–243.
45. *Sotsiolingvisticheskaya baza dannykh RuTurkSocLing: otsenki yazykovogo i sotsial'nogo opyta tyurksko-russkikh bilingvov* [Sociolinguistic Database RuTurkSocLing: Assessments of the Linguistic and Social Experience of Turkic-Russian Bilinguals]. Database registration certificate RU 2023622697 dated August 7, 2023. Application No. 2023622343 dated July 25, 2023. (In Russian).
46. Polinsky, M. (2018) *Heritage languages and their speakers*. Cambridge: Cambridge University Press.
47. Montrul, S. (2016) *The acquisition of heritage languages*. Cambridge: Cambridge University Press.

48. Benmamoun, E., Montrul, S. & Polinsky, M. (2013) Heritage languages and their speakers: Challenges and opportunities. *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 3 (1). pp. 1–40.

49. Anderson, R. (1982) *Language attrition in progress: Language acquisition and language loss*. Heidelberg: Groos.

Информация об авторах:

Диброва В.С. – аспирант кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Резанова З.И. – д-р филол. наук, профессор кафедры общей, компьютерной и когнитивной лингвистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rezanovazi@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.S. Dibrova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: klobukova-veronika@list.ru

Z.I. Rezanova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rezanovazi@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.04.2025;
одобрена после рецензирования 13.09.2025; принята к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 24.04.2025;
approved after reviewing 13.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*